

ко позамялся и затѣмъ продолжалъ еще слаще, съ нѣкоторою робостью: она-съ, вѣроятно, не простая-съ, съ фокусомъ?..

— Да еще съ какимъ! значительно произнесъ Михайло Львовичъ.

Квартальный снова началъ вертѣть набалдашникъ, въ полной увѣренности, что Михайло Львовичъ не только не видитъ этихъ упражненій, но даже и не подозрѣваетъ, кто съ нимъ разговариваетъ, такъ какъ тотъ ни разу не оборачивался. Но квартальный не разсчелъ, что на противоположной стѣнѣ помѣщается зеркало, при помощи котораго Михайло Львовичъ давно любитъ продолжками квартального. Наконецъ, убѣдись, что труды не приведутъ ни къ какимъ результатамъ, квартальный рѣшился поставить вопросъ прямо:

— Въ чемъ-же-съ заключается ея фокусъ?

— Фокусъ заключается въ томъ-съ, что если я ею вытяну васъ по спинѣ, такъ спина вспухнетъ-съ, а палка не переломится, отвѣчалъ покойно Михайло Львовичъ, а затѣмъ, обернувшись къ квартальному и взявъ палку въ правую руку, спросилъ:

— Не угодно-ли-съ узнать фокусъ?

Но квартальный повѣрилъ на слово и отправился на свой постъ...

Въ другой разъ, въ томъ-же буфетѣ, Михайло Львовичъ, стоя у выставки, ѣлъ виноградъ, очищая вѣтку, не торопясь, ягодка за ягодкою. Надо сказать, что Михайло Львовичъ бывалъ всегда очень серьезенъ, и все его вниманіе сосредоточивалось на его занятіи, какъ-бы оно ничтожно ни было; того-же, что происходило вокругъ, онъ какъ будто вовсе не замѣчалъ. Такъ было и на этотъ разъ, т. е., кромѣ вѣтки винограда, для Михаила Львовича

не существовало ничего. Вдругъ подходитъ къ нему господинъ средняго роста, съ круглымъ, краснымъ, лоснящимся лицомъ, невыносимо раздушенный и распомаженный, одѣтый по послѣдней модѣ; его галстукъ застегнутъ былъ булавкою изъ огромнаго брилліанта, всѣ пальцы рукъ украшались драгоценными перстнями, а по бархатному жилету тонулась массивная золотая цѣпь отъ часовъ. Это былъ никто иной, какъ, только что возвратившійся изъ-за границы, купеческій сынъ В., ѣздившій *спрыскивать* свой ввѣдъ во владѣніе богатѣйшимъ имуществомъ по смерти родителей. Надо сказать, что этотъ купчикъ сколько былъ богатъ, столько-жъ и простоватъ; онъ служилъ постоянной мишенью насмѣшкамъ молодежи, кутившей на его-же счетъ. Въ тотъ вечеръ, купчикъ, рассказывая пріятелямъ о своихъ походахъ за границую, между прочимъ, сильно жалѣлъ о томъ, что ни въ одномъ изъ городовъ различныхъ государствъ не могъ застать Германа *), котораго преслѣдовалъ, не жалѣя денегъ, съ единственной цѣлью — увидать дѣлаемый имъ фокусъ съ часами, которые, бывши истолчены *въ мелкій порошокъ*, вновь являются *цѣлыми*. Въ заключеніе сѣтованій купчикъ прибавилъ:

— Такое несчастье! изъ-за него долженъ былъ вернуться въ этотъ поганый Питеръ и тутъ опять-таки не засталъ. Говорятъ — только что уѣхалъ... Завтра-жъ опять въ путь... Мнѣ эти часы спокою не даютъ... очень занятная штука!

— Вовсе не зачѣмъ ѣздить. Ты можешь сейчасъ-же увидѣть фокусъ съ часами, сказалъ одинъ изъ пріятелей.

— Какъ такъ? спросилъ купчикъ.

*) Знаменитый фокусникъ, путешествовавшій по Европѣ и въ описываемое время только что уѣхавшій изъ Петербурга.

— Очень просто. Германъ еще не уѣхалъ. Вонъ онъ стоитъ у буфета.

— Который?

— Съ козлиной бородой, который ѣстъ виноградъ.

— Неужь-то это самый и есть? спросилъ востепенувшись купчикъ, разсматривая Михайло Львовича, котораго онъ прежде никогда не видывалъ.

— Да, отвѣчалъ пріятель, — вотъ попроси, онъ покажетъ тебѣ фокусъ съ часами.

— Да ловко-ль будетъ?

— Очень ловко. Ты ему заплотишь, разумѣется, не деньгами, а угостишь шампанскимъ.

— Да объ этой дряни и говорить нечего—не стоимъ! Съ этими словами, купчикъ вскакиваетъ и съ ухарскою развязностію направляется къ Михайлу Львовичу.

— Наконецъ-то, вы мнѣ попались! восклицаетъ онъ. Я по вашей милости изѣздили всю Европу, не одну тысячу денегъ просадили; впрочемъ, на это наплевать,—я радешенекъ, что все-таки васъ поймалъ!..

Михайло Львовичъ, спокойно, хотя и съ высоко поднятыми бровями, посмотрѣлъ купчику въ лоснящееся лицо. Тотъ продолжалъ:

— До васъ маленькая просьба, за то ужъ послѣ шампанскаго—сколько хочешь!..

— Какая просьба? спрашиваетъ Михайло Львовичъ.

— Сдѣлать штучку.

— Какую?

— Съ часами.

— Съ какими?

— Вотъ, съ нашими, говоритъ купчикъ, вытаскивая изъ кармана дорогой англійскій хронометръ.

— Какую-жъ штучку съ ними сдѣлать? продолжаетъ спрашивать Михайло Львовичъ.

— А истолочь.

— Какъ истолочь?

— Да въ ступкѣ то.

— Для чего-же?

— Ну, полно ломаться-то! говоритъ купчикъ, фамиллярно трепля по плечу Михайло Львовича. Для васъ, вѣдь, все равно; вы и здѣсь можете растолочь часы.

— Конечно, могу, но, вѣдь, вы, я думаю, и сами можете?

— Ну, пожалуйста, не артачься!.. Эй, малый, неси ступку, живо! кричитъ купчикъ.

Ступка была принесена.

Купчикъ, доставая часы, спрашиваетъ Михайла Львовича:

— Вамъ все равно толочь и съ цѣпочкой?

— Ужъ коли толочь, такъ, конечно, все равно, флегматически отвѣчаетъ тотъ...

Часы вмѣстѣ съ цѣпочкою были опущены въ ступку, а пестъ, самымъ купчикомъ, вложенъ въ правую руку Михайла Львовича.

— Ну, валайте! скомандовалъ купчикъ.

Михайло Львовичъ, стукнувъ пестомъ въ ступку, просительно взглянулъ на купчика.

— Толките, толките хорошенько! приказываетъ тотъ, и Михайло Львовичъ, съ невыразимо спокойнымъ лицомъ, началъ толочь самымъ усерднѣйшимъ образомъ. Купчикъ съ восхищеніемъ, заглядывая въ ступку, кричалъ:

— Хорошенько, хорошенько, совсѣмъ въ порошокъ!

Наконецъ, Михайло Львовичъ бросилъ пестъ и проговорилъ:

— Будеть, усталъ!—взявъ новую вѣтку инограду и, по прежнему, началъ ее опишивать.

Прошло не мало времени, въ продолженіи котораго купчикъ поочередно заглядывалъ, то въ ступку на исковерканный хронометръ, то въ спокойно-безстрастное лице Михаила Львовича. Наконецъ, онъ спрашиваетъ:

— Что-же?

— Что? спрашиваетъ и Михайло Львовичъ.

— Когда-жъ?

— Что когда-жъ?

— Станутъ они цѣлыми?

— Кто?

— А часы-то?

— Никогда.

— Какъ никогда?

— Развѣ вы не видите, какъ они исковерканы?

— Ну, полно балагурить! говорить купчикъ, трепля по плечу Михаила Львовича,—дѣлайте-ка!

— Что дѣлать?

— Цѣлыми-то...

— Не только я, такъ и никакой мастеръ не сѣумѣетъ этого сдѣлать.

— Ну, однако, полно время терять, сказалъ купчикъ, уже съ нѣкоторою заносчивостью,—мнѣ пора въ кресла!

— Идите! невозмутимо отвѣчалъ Михайло Львовичъ.

— А часы-то?

— Возьмите ихъ въ карманъ.

— Вы должны ихъ сдѣлать цѣлыми! горячился купчикъ.

— Этого я не умѣю, наивно отвѣчалъ Михайло Львовичъ.

— Да, вѣдь, я просилъ васъ истолочъ часы, думая, что вы ихъ потомъ сдѣлаете цѣлыми.

— Я просьбу вашу исполнилъ: что могъ, то сдѣлалъ, а чего не могу, за то не берусь, равнодушно проговорилъ Михайло Львовичъ и отправился въ кресла.

Въ семьѣ актеровъ, кромѣ Михаила Львовича, такъ-же считался *своимъ* еще нѣкто Константинъ Петровичъ Бахтуринъ, человѣкъ даровитый, но подверженный слабости относительно вина. Онъ былъ добрымъ товарищемъ, занимательнымъ собесѣдникомъ и неутомимымъ *собутельникомъ*. Бахтуринъ писалъ для сцены, и пьесы его, писанныя стихами, въ свое время имѣли успѣхъ, какъ, напримѣръ: «Пятнадцать лѣтъ разлуки», «Кузьма Роцинъ» и др. Онъ не только владѣлъ стихомъ, но нерѣдко говаривалъ и экспромтомъ. Однажды, выпивши достаточную дозу, онъ уснулъ, сидя за столомъ; бывши разбуженъ, и на заданную тему, которую, съ просонья, едва могъ взять въ толкъ, проговорилъ, едва ворочая языкомъ, слѣдующее четверостишіе:

„Переѣзжая Ахеронтъ,
Бахтуринъ выскочилъ изъ лодки
И закричалъ: *мон-шеръ* *), Харонъ!
Гдѣ здѣсь трактиръ? я-бъ выпилъ водки“.

Константинъ Петровичъ не уступалъ въ оригинальности М. Л. Неваховичу, но его оригинальность была совсѣмъ особаго рода. Въ компаніи онъ часто позволялъ себѣ рассказывать необыкновенныя происшествія, будто-бы съ самимъ нимъ случавшіяся; однимъ словомъ, подъ вліяніемъ вина, онъ становился врелемъ, но врелемъ занимательнымъ, во-первыхъ, потому, что, имѣя пылкое воображеніе, онъ рассказывалъ, хотя и фантастическія, но очень интересныя исторіи; а во-вторыхъ, что особенно правилось слу-

*) Бахтуринъ всѣхъ и cadaго называлъ мон-шеромъ.

шателямъ, такъ это то, что онъ вралъ *съ увлечениемъ*, т. е. самъ слѣпо вѣрилъ тому, что рассказывалъ. Такъ, однажды, описывая ужасное сраженіе, при взятіи какого-то аула на Кавказѣ *), гдѣ онъ, т. е. Бахтуринъ, бывши окруженъ толпою черкесовъ, дрался, какъ левъ, и вдругъ его правая рука отлетѣла, вмѣстѣ съ пашкою... Когда ему замѣтили, что онъ заврался, такъ какъ обѣ руки его цѣлы, онъ мгновенно умолкъ и задумался, потомъ, посмотрѣвъ на свою правую руку и какъ-бы вспомя, проговорилъ:

— Ахъ, да, виновать! это было не со мной, а съ моимъ товарищемъ, Сережей Запольскимъ...

Другой разъ, рассказывая, какъ онъ, вступаясь за честь незнакомой ему женщины, стрѣлялся съ извѣстнѣйшимъ дуэлистомъ, который никогда не давалъ промаха, и что его, Бахтурина, спасъ волосяной подгалстучникъ, въ которомъ застряла пуля противника...

Но однажды случилось, что нашла коса на камень, т. е. Константинъ Петровичъ сконфузилъ какого-то отважнаго враля. Гдѣ-то въ общемъ залѣ трактира пировали актеры и другая, совершенно отдѣльная компанія, среди которой отставной офицеръ рассказывалъ свои былые, славные подвиги, но въ особенности слушатели его были поражены эпизодомъ, какъ, при взятіи какой-то крѣпости, онъ, рассказчикъ, схвативъ знамя изъ рукъ убитаго унтеръ-офицера, вскочилъ на стѣну, но, поскользнувшись, упалъ на колѣни; два непріятельскіе солдата бросаются на него съ саблями; онъ считалъ себя уже убитымъ и дѣло

*) Бахтуринъ, хотя и былъ отставной военный, но на Кавказѣ никогда не бывалъ, такъ, по крайней мѣрѣ, думали всѣ его знакомые.

проиграннымъ, такъ какъ знамя достанется непріятелю, но вдругъ, на стѣну вскакиваетъ какой-то юнкеръ, юноша красавецъ собою, и въ одно мгновеніе убиваетъ обоихъ солдатъ и помогаетъ рассказчику подняться на ноги; тотъ вскакиваетъ, прижимаетъ юношу къ груди и затѣмъ, рука объ руку, бросаются въ схватку... Въ заключеніе-же рассказчикъ прибавилъ съ грустью:

— Но въ схваткѣ насъ разлучили, и по взятіи крѣпости, я тщетно искалъ своего избавителя: ни среди живыхъ, ни между трупами я не нашелъ его... О! съ какимъ-бы восторгомъ я еще разъ прижалъ-бы его къ моему сердцу! проговорилъ офицеръ съ глубокимъ чувствомъ и грустно склонился головою надъ опорожненнымъ заломъ стаканомъ.

Компанія, слушавшая его внимательно, теперь смотрѣла съ благоговѣніемъ на его глубокую грусть.

Между тѣмъ и актеры, такъ-же молча, давно уже наблюдали за бывшимъ съ ними Бахтуринымъ, который, при рассказѣ офицера, весь преобразился въ слухъ. По лицу его видно было, что онъ не только внимательно слѣдитъ за рассказомъ, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, и припоминаетъ что-то пріятное. Когда офицеръ умолкъ, Бахтуринъ встаетъ, подходитъ къ нему и взволнованнымъ голосомъ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ, произноситъ, колотя себя руками въ грудь:

— Мон-шеръ! наконецъ, судьба свела насъ!.. Сколько, сколько безсонныхъ ночей провелъ я съ тѣхъ поръ, какъ мы взяли съ тобою крѣпость. Я только о тебѣ и думалъ, мон-шеръ!..

Офицеръ поднялъ голову и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на Бахтурина. Тотъ продолжалъ:

— Мон-шеръ! Неужели не узнаешь?.. Я тотъ юнкеръ,

что вскочилъ на стѣну!.. Я тотъ красавецъ-юноша, что убилъ двухъ солдатъ и помогъ тебѣ встать на ноги! Сюда, мон-шеръ, сюда, на мою грудь! закричалъ онъ трагически, раскрывъ объятья.

Офицеръ замялся, видимо, сконфузился и проговорилъ:

— Извините... я не имѣю чести васъ знать!..

— Мон-шеръ, лѣта измѣнили мою наружность, но душою я тотъ-же юнкеръ, который спасъ тебя!.. Сюда! скорѣй въ объятья!..

— Извините... но, кажется... мнѣ помнится, что на стѣнѣ были не вы...

Бахтуринъ опустилъ руки, пристально посмотрѣлъ офицеру въ лицо и сказалъ совершенно равнодушно:

— Ну, такъ вѣрно я спасъ кого нибудь другаго, мон-шеръ!...

Глава VII.

Еще объ Александрѣ Михайловичѣ Гедеоновѣ. Несмѣняемость „дежурнаго члена“ при спектакляхъ. Александринскій театръ, не дѣлающій никогда полныхъ сборовъ. Воспрещеніе актерамъ посѣщать зрительную залу. Неакуратная выдача жалованья актерамъ. Толки по этому поводу. Бѣдствіе мелкихъ актеровъ отъ несвоевременной выдачи жалованья. Ростовщики театральной конторы. 70 рублей проценту на занятый капиталъ въ 15 рублей. Способность конторскихъ чиновниковъ „нагуливать тѣло“. Смотритель экипажного двора, жирѣющій отъ пожиранія лошадиного корма, и лошади, худѣющія отъ поѣданія гривъ и хвостовъ другъ у дружки. Домъ театрального кассира, обратившій на себя вниманіе Императора Николая Павловича. Бухгалтеръ театральной конторы П—тъ П—чть Ц—тъ, замѣчательный по отсутствію чиновничьей „фанаберіи“. Помощникъ его П—тъ М—чть Ш—къ, еще болѣе замѣчательный по чрезмѣрному самолюбію. А. М. Гедеоновъ оставляетъ управленіе театрами, вслѣдствіе другаго назначенія.

Вспоминая кой-какіе *непорядки* въ администраціи театровъ, я снова долженъ упомянуть объ Александрѣ Михайловичѣ Гедеоновѣ, въ отношенія его *вспыльчивости и непамятозлюбія*. На виноватаго онъ сердился и грозилъ ему всевозможными карами, причѣмъ былъ вовсе неразборчивъ въ выраженіяхъ. Такъ, однажды, просматривая какіе-то отчеты, ужаснувшись ихъ безобразію, онъ долго упрекалъ нѣкоторыхъ причастныхъ дѣлу субъектовъ. Наконецъ, упреки перешли въ брань и ругань, которая закончилась плевокъ (разумеется, на полъ) и назидательными словами:

— Воруите, чортъ васъ возьми, покуда я живъ!..

Неизвѣстно, воспользовались-ли оные субъекты такимъ назиданіемъ, но что они не только подъ судъ (какъ

общалъ Александръ Михайловичъ) отданы не были, но не были уволены и отъ службы,—это было очевидно. Александръ Михайловичъ былъ способенъ очень скоро разсердиться за всякую провинность, но еще скорѣе могъ забывать ее, и виновный снова и по прежнему продолжалъ отправлять свои обязанности.

Выше я говорилъ о *несмѣняемости* «дежурнаго члена», обязаннаго контролировать сборы театра, и о происходящихъ отъ этой несмѣняемости злоупотребленіяхъ. Въ то время, билеты для входа въ мѣста театра дѣлались металлическіе (вѣроятно, въ видахъ экономіи, такъ какъ билеты эти служили по нѣскольку лѣтъ, но, какъ оказалось на дѣлѣ, виды на экономію не оправдывались). Капельдинерамъ, на время спектакля, раздавались *запертыя* и *запечатанныя кассиромъ* и *дежурнымъ членомъ* кружки, въ которыя опускались входные билеты, полученные капельдинеромъ отъ публики. По окончаніи спектакля, кружки сдавались въ кассу—тѣмъ-же *кассиру* и *дежурному члену*, а на утро доставлялись въ контору театровъ, гдѣ по вынутымъ изъ запертыхъ и запечатанныхъ кружковъ билетамъ и повѣрялся сборъ театра... И бывало такъ, что круглый годъ, при какомъ-бы то ни было спектаклѣ, въ Александринскомъ театрѣ *полнаго* сбора *никогда не бывало!!!* Такъ продолжалось это въ теченіе долгихъ лѣтъ, до перемѣны способа контроля сборовъ и до введенія бумажныхъ входныхъ билетовъ, вырываемыхъ изъ книги.

Каждый спектакль, Александръ Михайловичъ, войдя въ свою ложу, осмотритъ, бывало, кругомъ весь залъ и видѣть, что свободнаго мѣста нѣтъ ни одного. На другой-же день, дежурный членъ рапортуетъ ему, не моргнувъ глазомъ, что сборъ не превышалъ *двухъ третей*. Ну, разумѣется, Александръ Михайловичъ вспылитъ, кричить,

что это неправда, что онъ самъ, собственными глазами, видѣлъ, что театръ былъ полонъ, но дежурный членъ докладываетъ, что треть театра была занята *своими* (т. е. служащими при театрѣ). Случалось не одинъ разъ, что Александръ Михайловичъ, желая положить предѣлъ такому наглому обману, дѣлалъ предписаніе: *не давать и «своимъ» мѣстъ бесплатно*; но... проходило нѣсколько дней, Александръ Михайловичъ успокоивался, у него снова ходатайствовали о разрѣшеніи *своимъ* посѣщать спектакли: разрѣшеніе, разумѣется, давалось, и дѣла, или сборы, театра шли опять по прежнему. Въ то-же самое время, совершалось нѣчто уже совсѣмъ непонятное, а именно: актеры, сплошь и рядомъ, не получали жалованья по два, по три, а случалось даже, и по четыре мѣсяца!.. Контора ссылаясь на то, что, будто бы, не получались суммы изъ главнаго казначейства (чему какъ-то не давалось вѣры!). Слухи-же ходили, что будто-бы суммы получались своевременно, но употреблялись *на что-то иное*. Толковали, даже, что деньги эти пускались казначеемъ *въ обороты* *). Но, конечно, это былъ вздоръ, потому что надъ казначеемъ стояло много начальствующихъ лицъ. Какъ-бы тамъ ни было, но, отъ такого несвоевременнаго полученія жалованья, многимъ изъ актеровъ (въ особенности мелкихъ) приходилось крайне бѣдствовать. Каждое первое число къ нимъ приставали: квартирный хозяинъ, портной, сапожникъ, прачка и другіе неизбѣжные кредиторы. Ни одинъ изъ кредиторовъ не хотѣлъ вѣрить (и весьма основательно), чтобы *въ казенной* должности могла быть такая неисправная

*) К. Н. Т. (давно уже умершій), бывший въ то время казначеемъ, дѣйствительно, давалъ деньги на проценты, что и служило поводомъ къ таковымъ толкамъ.

выдача жалованья, и, въ силу такового невѣрія, не переставали мучить своихъ должниковъ... Каково было, при такихъ обстоятельствахъ, извертываться тѣмъ, которые получали жалованья по **четырнадцать рублей съ полтиною** въ мѣсяць? Они, точно такъ-же, должны были жить въ кредитъ, т. е. занимать деньги на проценты. Конечно, актеры всегда могли обращаться за ссудою въ контору театровъ, къ служащимъ въ ней нѣкимъ благодѣтелямъ, къ гг. И. А. Ө—ву, С—ву, М—ну и Р—фу., никогда и никому не отказывающимъ въ ссудѣ, не превышающей однако-жъ, вмѣстѣ съ процентами, мѣсячнаго оклада занимающаго лица. А чтобы имѣть понятіе о процентахъ, взимаемыхъ благодѣтелями, достаточно рассказать, какъ одинъ актеръ занялъ у М—на *«пятнадцать»* рублей, съ обязательствомъ (въ обезпеченіе котораго выдалъ М—ну довѣренность на полученіе своего жалованья); будущаго перваго числа, уплатить *«двадцать»* рублей (т. е. все полностью получаемое имъ жалованье). Пришло первое число; занимающій хотѣлъ, было, отдать М—ну все жалованье, но, вспомя, что самому придется жить цѣлый мѣсяць—разсудилъ уплатить лишь *«пять»* рублей процентовъ, а долгъ оставить за собою до слѣдующаго мѣсяца. Кредиторъ согласился и, даже, не прекословилъ противъ повторенія той-же операции и въ слѣдующіе *«четырнадцать»* мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ каждое первое число, получалъ съ своего должника только по *«пяти»* рублей процента, *не понуждая его къ уплатѣ капитала...* Наконецъ, на пятнадцатомъ мѣсяцѣ, С. Я. Марковецкій выручилъ должника, ссудивъ ему пятнадцать рублей для уплаты всего долга. Само собою разумѣется, что Семень Яковлевичъ не взялъ процентовъ на ссуду, но и не безвозмездно затратилъ свой капиталъ: онъ за него долго

потѣшался надъ М—нымъ, при каждой съ нимъ встрѣчѣ, обращаясь къ нему съ шуточками слѣдующаго рода:

— Ну, что, *чиноша*, какъ на счетъ денежныхъ операцій?.. Все по прежнему, по «тридцати по три» на рубль въ мѣсяцъ вьзываете?.. Брали-бы по пятидесяти, легче-бы считать было...

Или:

— Что по ночамъ вы спокойно спите? не мерещутся вамъ ваши должники, съ которыхъ вы шкурки сдираете?..

Иногда-же онъ ставилъ ему вопросъ прямо:

— А что, *чиноша*, если дядя (т. е. А. М. Геденовъ) узнаетъ о вашихъ процентикахъ? Тогда, пожалуй, изъ конторы-то придется «*маширв-на-хаусъ*»?...

На эти шуточки *чиноша* улыбался, или пренаивно отвѣчалъ, что онъ беретъ проценты *не силою*, что ихъ даютъ ему добровольно.

Замѣчательно было то, что всѣ конторскіе ростовщики отличались тѣчностью и здоровьемъ, кромѣ одного И. А. Ѳ—ва, который, хотя и не уступалъ въ здоровьѣ своимъ собратьямъ по профессіи, но былъ маленькій, сухенькій старичекъ, начисто выбритый, съ прилизанными, сѣдыми височками, въ застегнутомъ на-глухо вицъ-мундирѣ, смотрѣвшій всегда черезъ очки въ лице разговаривающаго съ нимъ. Онъ былъ замѣчателенъ по лаконизму при объясненіяхъ о займѣ. Подойдетъ къ нему, бывало, ктонибудь изъ актеровъ и скажетъ:

— И. А.! мнѣ нужно деньженокъ.

— Сколько? спросить тотъ безстрастнымъ голосомъ.

— Столько-то.

— Напишите.

Актеръ, написавши росписку, молча передаетъ ее И. А.—чу, который, также не говоря ни слова, передаетъ

*

актеру требуемую сумму, съ вычетомъ процентовъ за мѣсяць впередъ. (И. А. вѣсилъ только *по десяти* процентовъ на рубль въ мѣсяць, за что и слылъ ростовщикомъ **добросовѣстнымъ**). Когда-же случалось, что должникъ не можетъ уплатить долга въ срокъ и скажетъ о томъ И. А—чу, тотъ на это отвѣтитъ:

— Перепишите.

Должникъ возобновляетъ росписку въ полной суммѣ, срокомъ на одинъ мѣсяць, и вручаетъ ее И. А—чу, съ приложеніемъ процентовъ наличными.

И. А. Ѳ—въ—личность замѣчательная еще и по своей долголѣтней службѣ. Довольно сказать, что чрезъ его руки проходилъ ордеръ о поступленіи на службу А. М. Максимова и А. Е. Мартынова, при выходѣ ихъ изъ училища въ 1836 г., и чрезъ его-же руки прошелъ аттестатъ о пенсіонѣ пишущаго эти строки, что совершилось въ 1866 году. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ И. А—чъ состоялъ въ одномъ и томъ-же чинѣ и отправлялъ все ту-же должность.

Выше я упомянулъ о томъ, что *канторскіе ростовщики* отличались здоровьемъ и тучностію, но какъ припомнишь, то не только они, но и всѣ вообще *наши чиновники* прежнихъ временъ обладали необыкновенной способностью—не вѣроятно быстро *нагуливать тѣло*. Смотришь, бывало, иной не только худощавъ и желтолицъ, но еле ноги передвигаетъ и выглядитъ совсѣмъ человѣчкомъ несчастнымъ, бѣднымъ и приниженнымъ: вицъ-мундирчикъ на немъ плохенькій, засаленный, застегнутый до послѣдней пуговицы, на шеѣ черный галстучекъ и полисонъ изъ-за онаго никакихъ и никогда не видно, какъ не видно и подрываниковъ подъ обшлагомъ вицъ-мундира. Вслѣдствіе чего, одинъ острякъ изъ мелкихъ актеровъ всякаго такого чи-

новника называлъ (часто даже въ глаза) *«господиномъ безъ бѣлья»*. Въ мою бытность, очень многіе изъ таковыхъ чиновниковъ невѣроятно быстро совершенно измѣнялись. На нихъ, какъ-бы по волшебству, оказывались вицъ-мундиры, поражающіе тонкостью сукна и изящностью фасона, съ пуговицами, позолоченными *черезъ огонь*, блестящими ярче солнца; изъ-за галстука и обшлаговъ выглядывало бѣлье тончайшаго голландскаго полотна; вицъ-мундиръ уже не застегивался, для того чтобы не закрывать *шейную*, массивную золотую цѣпь. Въ тоже самое время, чиновникъ непремѣнно начиналъ тучнѣть не по днямъ, а по часамъ, и становился недосыгаемо высокъ, гордъ и недоступенъ, чувствуя и сознавая собственное свое достоинство. Причиною-же таковыхъ превращеній бывало какое-либо *«назначеніе»*. Такъ, помню я нѣкогого М—ва, юношу очень скромнаго, долго пресмыкавшагося въ «конторѣ», ничего не дѣлая; потомъ ему вышло «назначеніе»— «записывать» при раздачѣ жалованья. (Хотя, въ сущности, это назначеніе нисколько не улучшало положенія чиновника, но оно означало; что чиновникъ тотъ акклиматизировался и начинаетъ проявлять признаки бытія, такъ сказать, изъ *личинки* дѣлается *куколкой*, которая впослѣдствіи долженствуетъ стать *бабочкой* и распушить крылышки, украшенные золотою пылью). М—въ тихо и скромно исправлялъ свою обязанность, продолжая оставаться все тѣмъ-же *«господиномъ безъ бѣлья»*. Но когда, нѣсколько лѣтъ позже, онъ получилъ «назначеніе» *смотрителя казеннаго зданія*, метаморфозъ совершился невыразимо быстро. Несмотря на молодость, М—въ потолстѣлъ *до неприличія*. На немъ появились: бѣлье и пуговицы ослѣпительныхъ бѣлизны и блеска, а вмѣстѣ съ ними появились также и *собственные лошади*. М—въ сдѣлался неузна-

ваемъ: насколько тученъ, настолько-жъ и величественъ. Лишь въ одномъ онъ остался вѣренъ себѣ, т. е. остался по прежнему немногорѣчивъ. Впрочемъ, хотя не измѣнилось «дѣйствіе», но «причина» все-жъ-таки перемѣнилась: М—въ до *блльа* молчалъ по глупости, а послѣ *блльа* сталъ молчать по гордости. Другой субъектъ той-же категоріи Ю—въ (прозванный почему-то «Содомъ Гоморовичемъ») подвергся такой-же фундаментальной передѣлкѣ, когда получилъ «назначеніе» изъ «записывающихъ» во что-то иное...

Но замѣчательнѣе оныхъ двухъ особей была третья, нѣкто М—нъ. Онъ, получивъ «назначеніе» «смотрителя экипажного двора», поразилъ всѣхъ необыкновенною способностью къ ожиренію. Въ продолженіи одного года, онъ сдѣлался совершеннымъ *кубомъ*, что вдоль, то и поперекъ. Но, что всего удивительнѣе—съ того-же самаго дня «назначенія», казенныя лошади начали худѣть точно съ такою-же быстротою, такъ что къ концу года нисколько не походили на своего «смотрителя» и начальника, служа своєю худобой разительнымъ контрастомъ его тучности. За то-же время, армяки кучеровъ стали украшаться заплантами, а въ каретныхъ дверцахъ сталъ оказываться недостатокъ стеколъ. Словомъ, «смотритель», отъѣдаясь самъ, считалъ лишнимъ кормить лошадей (разумѣется, кромѣ той пары, которую удостоилъ выбрать для собственной особы); что-же касается предназначенныхъ для законныхъ обязанностей, т. е. для возки актеровъ, то онѣ своєю худобою и безсиліемъ постоянно привлекали вниманіе прохожихъ, служа мишенью насмѣшкамъ простонародья. На ихъ счетъ зачастую слышались шуточки, въ родѣ слѣдующихъ:

«Вотъ такъ кони! Бѣжать — дрожать, а упадутъ — лежать»... или:

«Этимъ бѣднымъ клячамъ отдыху нѣтъ: по утрамъ покойниковъ возятъ, а вечеромъ актеровъ»*)...

А не то, какой-нибудь балагуръ даетъ кучеру такой совѣтъ:

«Натяни возжи потуже, а то лошадямъ-то держаться не на чемъ»...

Во время весенней распутицы, ни одна карета не могла сдѣлать полного рейса по назначенію капельдинера, т. е. доставить въ театръ, или развезти изъ него по квартирамъ всѣхъ шестерыхъ персонажей, помѣщающихся въ каретѣ. Зачастую, бывало, видишь эту громадную, неуклюжую карету, застѣвную посреди лужи **), съ парютошнихъ, понурившихъ клячъ, которыхъ не могутъ разшевелить безпощадные удары кнута. Изъ кареты-же выглядываютъ пассажиры, въ ожиданіи извозчиковъ, чтобы продолжать дальнѣйшее путешествіе...

Въ тѣ времена, несчастныя театральныя лошади ѣли только по ночамъ, такъ какъ, покидая конюшню раннимъ утромъ, возвращались въ нее поздней ночью. Сѣна-же для ихъ продовольствія въ продолженіи дня (какъ это дѣлается нынче) кучерамъ, при выѣздѣ съ экипажнаго двора, не выдавалось... Лошади постоянно бывали голодны, голодны до того, что отъѣдали одна у другой хвосты и гривы. (Что нерѣдко случалось во время ихъ стоянки у

*) Въ тѣ времена, въ погребальныя дроги впрягались обыкновенно также клячи, едва передвигавшія ноги.

**) Тогда на состояніе дорогъ въ городѣ (кромя Невскаго, Большой Морской и нѣкоторыхъ еще улицъ) не обращалось никакого вниманія. Весною улицы походили на сплошное болото съ кочками и буграми.

подъѣзда театра во время спектакля, когда кучера разбредутся по разнымъ закоулкамъ *актерской* лѣстницы, чтобы выспаться, а лошади остаются безъ всякаго призора).

Чтобы имѣть понятіе о способности чиновниковъ *тучить* и *разжигаться*, приведу одно изъ театральнѣхъ преданій о случаѣ, бывшемъ гораздо ранѣе описываемаго мною времени.

Однажды, покойный Государь Императоръ Николай Павловичъ, проѣзжая по Большой Морской, былъ удивленъ громадностію только-что въ чернѣ отстроеннаго дома *). Удивленіе Государя Императора было на столько велико, что онъ поинтересовался узнать имя владѣльца дома, и удивленіе Его Величества возросло еще больше, когда ему доложили, что владѣлецъ дома есть никто иной, какъ *вожакъ*, доставившій въ Россію слона, подареннаго персидскимъ шахомъ, и что *вожакъ* (совершенно уже обрусѣвшій и женившійся) въ настоящее время состоитъ на коронной службѣ, занимая должность *кассира* при Большомъ театрѣ. Узнавъ таковыя подробности, Государю Императору благоугодно было приказать: «*узнать, на какія суммы строится этотъ домъ?*»

На такой прямой запросъ бывшій *вожакъ* слоновъ отвѣчалъ также прямо: что домъ принадлежитъ не ему, а женѣ его...

Жена-же, спрошенная о пріобрѣтеніи капитала на постройку такого огромнаго дома, отвѣчала: что *пріобрѣла капиталъ... извѣстнымъ ей способомъ.*

*) Въ то время, въ Петербургѣ не было еще такого обилія пяти-этажныхъ, выходящихъ на нѣсколько улицъ, домовъ, почему строящійся домъ и привлекъ вниманіе Его Величества.

Я въ своихъ воспоминаніяхъ отклонился немного въ сторону: думая говорить лишь о мірѣ закулисномъ, коснулся, между тѣмъ, и міра чиновнаго, на что вызвали меня оригинальные субъекты, находящіеся въ немъ. Вотъ и теперь, хотѣлъ начать о закулисной администраціи, т. е. о режиссерахъ и ихъ помощникахъ, а опять вспомнился одинъ изъ чиновниковъ, о которомъ хочется сказать нѣсколько словъ: нѣкто П—ръ П—чъ Ц—тъ, старшій бухгалтеръ конторы, бывшій *на хорошемъ счету* у мелкихъ актеровъ, какъ чиновникъ безъ *фанаберіи*... Ну, вотъ и снова долженъ отклониться въ сторону, ради объясненія.

«*Фанаберія*» — слово, которое, на закулисномъ языкѣ, означаетъ пошло-смѣшныя *надутость* и *чванство* конторскихъ *мелкоты-чиновней*, которые (всѣ до одного), какъ только, бывало, наживутъ *полисоны* и *подрукавники*, такъ сейчасъ-же вообразятъ себя чѣмъ-то *высокостоящимъ* и нарываютъ казаться *начальниками* актеровъ (разумѣется, не первыхъ), что, однако-жъ, обходилось имъ иногда довольно солоненько.

Однажды, при полученіи жалованья, *записывалъ* вышеупомянутый мною М—въ. Актеръ Разсказовъ, прійдя въ контору прямо изъ гостей (т. е., съ ночной пирушки), былъ не совсѣмъ въ духѣ. М—въ записывалъ, не соблюдая очереди (какъ дѣлали другіе), но по выбору, обходя давно ожидающаго Разсказова Разсказовъ нѣсколько разъ обращался къ М—ву, все съ одною и тою-же фразою (насмѣшливымъ тономъ): «г. чиновникъ, удостойте записать!» и при этомъ низко, низко кланялся. М—въ каждый разъ взглядывалъ на него гордо, черезъ плечо. Наконецъ, Разсказовъ, обратясь къ одному изъ товарищей, далеко стоящему, громко, на всю контору, пресерьезно спросилъ его:

— Ганя! да чиновникъ-ли онъ?.. Можетъ быть, *они* за то и гнѣваются, что я *ихъ* называю такимъ племенемъ?..

До чего простиралось самолюбіе, или самомнѣніе нашихъ чиновниковъ, можетъ служить доказательствомъ выходка одного изъ нихъ, нѣкоего П. М. Ш., бывшаго какимъ-то счетчикомъ (или въ родѣ того) при бухгалтеріи. Однажды, онъ былъ за кулисами Александринскаго театра; играли «Левъ Гурычъ Синичкинъ». Въ одномъ изъ актовъ, въ которомъ по сценѣ прохаживаются *выходные* актеры и актрисы, *въ собственныхъ* одеждахъ, по сценѣ (на виду публики) прохаживался и Петръ Ивановичъ Григорьевъ (не бывши занятымъ). Ш — къ, стоя за кулисами, вдругъ говоритъ Петру Ивановичу:

— Хотите, я тоже выйду на сцену?

— Что-жъ, однимъ выходнымъ будетъ больше, отвѣчалъ тотъ.

— А что, если-бъ я въ самомъ дѣлѣ вышла?.. Чтобы подумала публика?.. Я воображаю, какъ бы она удивилась! говорить (*не шутя*) Ш — къ. Онъ, въ простотѣ души, воображалъ, что *публика* знаетъ каждаго конторскаго чиновшу, и что появленіе онаго на сценѣ должно *удивить ее* и заставить что-то *подумать*.

Но П — рь П — чь П — ть, какъ человѣкъ образованный, былъ чуждъ всякой *фанаберіи* и пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Вспоминаю я его, по причинѣ тѣхъ маленькихъ анекдотцевъ, которые случались съ нимъ по милости его *заиканія*. Онъ заикался до того сильно, что иногда, запнувшись на какомъ нибудь словѣ, минуты двѣ-три хлопаютъ губами и глазами, произнося безпрерывно букву: А., причеъ онъ непремѣнно еще пощелкиваетъ пальцами правой руки, махая ею передъ своей грудью, и часто случалось, что, несмотря на всѣ эти усилія, такъ и не смо-

жетъ выговорить желаемого слова, но долженъ замѣнить его другимъ. Иногда разговаривающій съ нимъ выручалъ его изъ хлопотъ, подсказавъ окончаніе рокового слова.

Такъ, однажды, только что вышедшій изъ училища актеръ, бывши призванъ по какому-то дѣлу въ контрольное отдѣленіе, явился къ П—ру П—чу. Тотъ, роясь въ бумагахъ, обратился къ актеру съ вопросомъ:

— Вы какой труппы? дра... дра... дра... и затанулъ обычное А.

Актеръ, желая пособить горю, поспѣшилъ подсказать:

— Матическій.

— Матическій! повторилъ П—тъ, и разговоръ пошелъ своимъ порядкомъ до первой запинки.

Въ другой разъ, П—ръ П—чь началъ кому-то рассказывать о вещахъ, подаренныхъ дирекціи театровъ изъ дворца Екатерины Великой. Описывая подарки, желая съ особенной похвалою отнестись о мозаиковыхъ столахъ, онъ началъ:

•— Столы, просто удивленье! цѣльнаго черного дерева, а какая мо... мо... мо... о-о-о, и затанулъ.

Собесѣдникъ выручилъ:

— Заика, подсказалъ онъ.

— Да, заика! подхватилъ обрадовавшійся П—тъ.

А то, однажды, съ нимъ дома случился слѣдующій казусъ (которому свидѣтелемъ былъ его зять). П—ръ П—чь собирался съ докладомъ къ директору. Одѣвшись до жилета, онъ подошелъ къ дверямъ прихожей и хотѣлъ спросить у человѣка вицъ-мундиръ, который надѣвался имъ только въ экстренныхъ случаяхъ; случаи-же такіе бывали очень рѣдко, почему человѣкъ, недавно поступившій, и не могъ догадаться, когда П—ръ П—чь умѣлъ выговорить только:

— Подай ви... ви... ви...

— На-сть? подсказаль человекъ, вообразивъ, что баринъ хочетъ подчивать гостя.

— Иѣтъ! ви... ви... ви..., снова началъ П—ръ П—чь.

Человекъ недоумѣвалъ и, думая все объ угощеньи, опять подсказаль:

— Чины-сть?..

— Дуракъ! закричалъ П—ть. Подай, тебѣ говорятъ, ви... ви... ви...

Наконецъ, онъ обратился къ зятю:

— Какъ это?.. что мнѣ надо?.. спросилъ онъ.

Зять очень хорошо зналъ, что нужно его шурина, но, желая потѣшиться, сказалъ:

— Винигреду, что-ли?

— Болванъ! отвѣчалъ ему П—ръ П—чь и, повернувшись къ человеку, началъ-было:

— Подай ви... ви... ви... Но, наконецъ, плюнулъ и закричалъ во все горло:

— Подай сюртукъ безъ фалды!

Очень забавно, бывало, послушать, когда П—ръ П—чь Ц—ть бесѣдовалъ съ секретаремъ директора Е. М. С—мъ, такимъ-же зайкою. Одинъ запнется, другой поспѣшитъ помочь ему и тоже не сможетъ выговорить, ну — оба стоятъ, и смотреть другъ на друга: П—ръ П—чь тянетъ свое А., помахивая рукою и пощелкивая пальцами, а Е. М—чь подчмокиваетъ, моргая узко прорѣзанными глазками...

Между прочимъ, за П—мъ П—чемъ водилась такая странность, что, читая стихотворенія, декламируя монологи изъ драмъ и комедій, или во время пѣнія, онъ переставалъ быть зайкою, и должно отдать справедливость, что онъ какъ читалъ, такъ и пѣлъ очень хорошо. Въ силу такой странности, зять П—ра П—ча совѣтовалъ ему

объясняться съ директоромъ какими-нибудь подходящими монологами изъ драматическаго репертуара, или речитативами изъ оперъ...

Чтобы покончить съ чиновнымъ миромъ, опять обращаюсь къ его главѣ: скажу еще нѣсколько словъ объ оставленіи должности директора Александромъ Михайловичемъ Гедеоновымъ и затѣмъ снова перейду за кулисы.

Александръ Михайловичъ оставилъ управленіе театрами, вслѣдствіе другаго назначенія. Когда актеры всѣхъ труппъ собрались проститься съ любимымъ начальникомъ, то на всѣхъ лицахъ была замѣтна неподдѣльная грусть. (Но и при этомъ случаѣ *мелкіе* актеры отдѣлились отъ *крупныхъ*: ими, *въ складчину*, былъ заказанъ художнику Захарову портретъ Александра Михайловича, поставленъ въ залъ и убранъ цвѣтами). При разставаньи, конечно, не обошлось безъ рѣчей и стиховъ, но въ памяти остались не они, а то, что не только женщины плакали, но и многіе изъ мужчинъ не могли удержаться отъ слезъ. То-же самое, конечно, было и съ самимъ Александромъ Михайловичемъ, когда онъ, прощаясь, говорилъ, между прочимъ, что «всегда любилъ всѣхъ какъ дѣтей своихъ, и всегда будетъ помнить насъ».

конецъ 1-й части.

**ДАННАЯ СТРАНИЦА ОРИГИНАЛА
НЕ СОДЕРЖИТ ИНФОРМАЦИИ**

ЧАСТЬ 2-я.

Глава I.

Обязанности режиссера.—Необходимость его образования.—Режиссеръ долженъ быть хорошимъ актеромъ.—Влеченіе режиссеровъ быть начальниками актеровъ—Режиссеръ-деспотъ.—Его безцеремонное отношеніе къ зрителямъ и къ искусству.—Его неблагоприятные поступки съ двумя первыми артистами изъ зависти къ ихъ таланту.—Зависть режиссера и къ женскому персоналу.—Женитьба режиссера въ видахъ *палубы* артистки Надежды Васильевны Самойловой.—Гибель *губительницы*.—Тщетное стараніе режиссера найти соперника Василью Андреевичу Каратыгину.—Гибель актера Славина.—Физическая и моральная оригинальности режиссера.—Его необыкновенное хладнокровіе.—Его душевное влеченіе издѣваться надъ ближними.—Клеветы режиссера.—Дерзость режиссера съ актрисами.—Отецъ актрисы, въ присутствіи всей труппы, награждаетъ режиссера эпитетами: „невѣжи“, „дурака“ и „негодяя“.—Напускная религіозность режиссера.—Чтеніе священнаго писанія, съ разсужденіемъ о прочитанномъ.—Проповѣди о добродѣтеляхъ человѣческихъ, читанныя режиссеромъ Алексѣю Михайловичу Максимову.—Какое впечатлѣніе производили проповѣди на пишущаго эти строки.—Актеры Петровъ и Прусаковъ, особенно нелюбимые режиссеромъ.—Новый начальникъ репертуарной части.—Конецъ режиссерскому полновластью.—Неспособность начальника репертуарной части къ управленію этой должности.—Мѣдлолобый дебютантъ въ Каратыгинской роли, плѣвившій начальника.—Пикировка режиссера съ начальникомъ репертуарной части —Отставка режиссера.

Обязанность режиссера заключается въ постановкѣ пьесъ. Слѣдовательно, онъ долженъ быть на столько свѣдущъ въ театральномъ дѣлѣ, что, прочтя новую пьесу, могъ-бы понять, во-первыхъ: *характеры* и *положенія* дѣйствующихъ лицъ, соображаясь съ чѣмъ и *распредѣлять* роли между актерами, соотвѣтственно *амплуа* и *средствамъ*

каждаго изъ нихъ; во-вторыхъ, назначить для дѣйствующихъ лицъ костюмы, а равно для пьесы—декораціи, мебель и прочія аксессуарныя вещи, дабы все это соотвѣтствовало эпохѣ и времени, къ которымъ принадлежитъ пьеса по своему содержанію. Кромѣ того, если въ пьесѣ выведены историческія лица, то режиссеръ-же обязанъ руководить *костюмировкою* и *цими́ровкою* актеровъ, представляющихъ ихъ. Затѣмъ, онъ обязанъ *сренетовать* пьесу, т. е., чтобы она, кромѣ изученія ролей актерами, и въ цѣломъ *шла твердо*; чтобы всѣ ея сцены велись такъ, какъ того *желалъ* авторъ. Режиссеру также *необходимо-бы* имѣть и всестороннее образованіе, такъ какъ онъ *обязанъ* разрѣшать всѣ недоумѣнія или ошибки актеровъ при произношеніи какихъ-либо иностранныхъ словъ и фразъ, или научныхъ терминовъ. Вотъ, напримѣръ, что случилось однажды: помощникъ режиссера, слѣдящій, во время спектакля за выходомъ актеровъ на сцену, прочелъ въ пьесѣ слѣдующее: «явленіе такое-то, тѣ-же и *Рекетмейстеръ*». Помощникъ, увидя *незнакомое* слово, обратился съ вопросомъ къ Александру Евстафьевичу Мартынову, игравшему эту роль: *что значитъ Рекетмейстеръ?* Александръ Евстафьевичъ отвѣтилъ не обинуясь: «не знаю, душенька!..» Помощникъ, не удовольствовавшись такимъ отвѣтомъ и желая удовлетворить свое любопытство, обращался съ тѣмъ-же вопросомъ ко всѣмъ *актерамъ-первачамъ*, но отъ каждого изъ нихъ получалъ такіе-же отвѣты, какъ и отъ Александра Евстафьевича; кромѣ того, одинъ изъ нихъ, къ своему «не знаю» добавилъ: «*впрямь, какой нибудь артиллерійскій чинъ*». Наконецъ, помощникъ задалъ тотъ-же вопросъ самому режиссеру (считавшемуся еси и не слишкомъ ученымъ, то чрезмѣрно начитаннымъ); но, увы! и самъ режиссеръ не смогъ удовлетворить любознательности

своего помощника, и роковое слово: «*Рекетмейстеръ*» такъ и осталось, быть можетъ навсегда, непроницаемою тайною для всего театральнаго міра, вмѣстѣ съ его администраціею!.. Счастье еще, что режиссеру не пришло въ голову, что Рекетмейстеръ (почему-то) вѣроятно *артиллерійскій чина*, и онъ не одѣлъ его въ мундиръ. Тутъ не лишне будетъ упомянуть, что режиссеру русской драматической труппы (за послѣдніе года моей службы) часто приходилось поправлять *артистовъ* при произношеніи ими даже *чисто-русскихъ* фразъ, по поводу чего нерѣдко случилось, что режиссеръ читывалъ артистамъ небольшія лекціи изъ русской грамматики (о которыхъ мнѣ придется упомянуть въ свое время). Но далѣе—объ обязанностяхъ режиссера. Ему *необходимо* должно быть и *хорошимъ* актеромъ, такъ какъ его-же дѣло понимать всякое *положеніе* каждого дѣйствующаго лица, и въ случаѣ надобности *научить* актера, какъ онъ долженъ прочесть извѣстный монологъ, какое значеніе придать той или другой фразѣ, и сверхъ того, показать каждому дѣйствующему лицу мѣсто, которое оно должно занимать въ каждомъ явленіи, въ продолженіи всей пьесы (черезъ что выигрываетъ *ансамбль*, т. е. общее дѣйствіе); короче сказать: режиссеръ, въ то-же время, долженъ быть, хотя *отчасти*, и учителемъ драматическаго искусства... Но, однако-жъ, къ сожалѣнію, на дѣлѣ это бывало совѣмъ не такъ. Въ продолженіи воспоминаемыхъ мною тридцати лѣтъ, ни одинъ режиссеръ не соотвѣтствовалъ вышеупомянутымъ требованіямъ. Каждый изъ нихъ, не имѣя способностей быть для актеровъ *руководителемъ и помощникомъ* ихъ въ дѣлѣ искусства, старался лишь изъ всѣхъ силъ быть ихъ *начальникомъ*.

Въ прежнія времена, въ штатѣ театральной администраціи (о чемъ я и упоминалъ уже выше) хотя существова-

ла должность вице-директора, соответствующая нынѣшней должности начальника репертуарной части, но лицо, стоявшее тогда на этомъ посту, ни *въ распределеніи ролей*, ни *въ постановкѣ пьесъ* не принимало никакого участія, все это находилось въ *полной и неограниченной власти* режиссера.

Первымъ, котораго я засталъ, режиссеромъ былъ нѣкій московскій актеръ, имѣвшій сначала попозновеніе сдѣлаться *первымъ молодымъ человекомъ* на петербургской сценѣ, но на дѣлѣ оказавшійся просто на просто молодымъ человекомъ, вовсе неспособнымъ для сцены. Кромѣ недостатка таланта, онъ имѣлъ еще и наружность далеко не симпатичную: при чрезмѣрной худощавости, съ крошечными, едва замѣтными глазками на мертвенно-блѣдно-желтоватомъ лицѣ, и кромѣ того, обладалъ непріятнымъ органомъ и *словою* походкою, т. е. ходилъ не сгибая колѣнъ, но раскидывая ноги въ стороны.

Подовольствовавшись нѣкоторое время незначительными ролями, онъ сумѣлъ сдѣлаться режиссеромъ (по оставленіи этой должности Иваномъ Ивановичемъ Сосницкимъ). Затѣмъ, мало-по-малу, изъ него выработался не только самостоятельный режиссеръ, но режиссеръ-деспотъ, который игралъ актерами какъ пѣшками (разумѣется, кромѣ В. А. Каратыгина, Я. Г. Брянскаго и И. И. Сосницкаго, съ ихъ женами), *выводя ихъ въ люди*, или *топча въ грязь* по личному своему усмотрѣнію.. Такъ поступалъ онъ съ первыми сюжетами; что-же касается до остальныхъ актеровъ, то ихъ онъ едва-ли удостоивалъ считать людьми, себѣ подобными. Обращаясь къ нимъ, онъ никого не называлъ по фамиліи, но всегда: «*милойшій!*», «*любезный другъ!*», «*почтенный генералъ!*», или «*эй, вы несчастный!*», и всѣ эти клички произносились, разумѣется, насмѣшли-

вымъ тономъ. Надъ тѣми-же мелкими актерами (несмотря на то, что между ними было не мало отцовъ семействъ и людей вдвое старше его лѣтами), онъ обыкновенно изощрялъ свое остроуміе, отпуская на ихъ счетъ различные остроты и каламбуры, до которыхъ былъ страстнымъ охотникомъ. Этотъ режиссеръ не только съ актерами, но и съ публикою, или, правильнѣе сказать, съ самими искусствомъ, обращался вовсе безъ церемоніи. Напримѣръ, однажды, во время спектакля, въ которомъ шла пьеса: «Женихъ на парѣ», В. В. Самойловъ, игравшій въ этой пьесѣ первую роль, увѣдомилъ, что не можетъ пріѣхать въ театръ по причинѣ болѣзни. Режиссеръ нисколько не задумался, и, увидя проходящаго мимо него М. С. Сергѣева (актера совершенно незначительнаго), проговорилъ ему своимъ монотоннымъ теноркомъ:

• — Эй, милѣйшій! Возьмите-ка пьеску «Женихъ на парѣ», да прочитайте рольку Самойлова. Вы ее сегодня сыграте.

Сергѣевъ сыгралъ роль Самойлова, и, удивительная вещь, публика не только не замѣтила *подлога*, но даже, по окончаніи пьесы, нѣсколько разъ дружно вызвала *Самойлова*, за котораго выходилъ и откланивался *Сергѣевъ*.

Второй образчикъ смѣлости и безцеремонности режиссера былъ еще замѣчательнѣе: давали пяти-актную трагедію (названіе которой не могу вспомнить). Послѣ *первато звонка* (т. е. за полчаса до начала спектакля), помощникъ доносить режиссеру, сидящему въ *режиссерской* и сочиняющему какой-то водевиль *), что пьесу начинать нельзя,

*) Онъ много писалъ для сцены недурныхъ пьесъ въ прозѣ и стихахъ. Пьесы эти воспроизводились имъ, большею частью, въ театрѣ, во время спектаклей.

такъ какъ нѣсколькихъ актеровъ, участвующихъ въ первомъ актѣ, еще нѣтъ въ театрѣ.

— А для втораго акта всѣ собрались? спрашиваетъ режиссеръ, не переставая писать.

— Всѣ, отвѣчаетъ помощникъ.

— Ну, такъ со втораго акта и начинайте, рѣшаетъ режиссеръ.

И публика, на тотъ вечеръ, удовольствовалась четырьмя актами трагедіи, точно также, какъ прежде не гнушалась и всѣми пятью...

Этотъ режиссеръ, кромѣ того, что *ломался* надъ актерами, какъ ему было угодно, часто тѣшилъ свои *благородные* инстинкты (уже не какъ надъ актерами, а какъ надъ людьми) надъ А. Е. М. и А. М. М., пользуясь ихъ безхарактерностью и *извѣстною, несчастною слабостью*. Почтенный режиссеръ не разъ пытался поселить раздоръ между А. Е. и любимую имъ женщиною, а А. М. очень желалъ поссорить съ его молодою женою. Для чего онъ прибѣгалъ къ весьма *тонкимъ и остроумнымъ* (по его мнѣнію) продѣлкамъ, а именно: зазвавъ своихъ *жертвъ* въ трактиръ и *подпоивъ*, отвозилъ ихъ въ *извѣстные дома* и удерживалъ тамъ до утра. Кромѣ этого, нахальство его простиралось еще дальше: онъ не только, не обинуясь, высказывалъ А. Е. прямо въ глаза, что любимая имъ женщина его обманывается, но А. М. дѣлалъ весьма недвусмысленные намеки на то, будто отношенія его жены съ однимъ изъ его братьевъ — вовсе неродственные...

Къ счастью, что обѣ женщины, противъ которыхъ такъ *честно* дѣйствовалъ режиссеръ, умѣли цѣнить его *по достоинству*, какъ *человѣка*, прощали провинности своихъ безхарактерныхъ мужей, не вооружая ихъ противъ него, какъ *режиссера*, зная, что за это они могутъ поплатиться

весьма дорого, какъ *артисты*... Режиссеръ (какъ понимали его люди, мало-мальски наблюдательные) дѣйствовалъ такъ потому, что не могъ простить А. Е. М. и А. М. М. изъ таланта. Не только мужчинамъ, но даже и талантливымъ женщинамъ, онъ завидовалъ не менѣе. Видя, напримѣръ, какую *заслуженною* любовью и уваженіемъ публики пользуется артистка Надежда Васильевна Самойлова, режиссеръ возымѣлъ пополазновеніе уничтожить, или, по крайней мѣрѣ, затмить ея славу, противопоставя ей *достойную соперницу*. Для этого онъ выкидываетъ такую штуку: ѣдетъ въ Москву и женится на тамошней молодой актрисѣ, *подающей большія надежды*, и затѣмъ привозитъ ее въ Петербургъ, *на пагубу* Н. В. Самойловой... Но, увы! пагуба постигла самое губительницу, такъ какъ на дѣлѣ вышло, что подаваемая ею надежды были ложныя, и она оказалась способною лишь сдѣлаться хорошею экономкою, домовитою хозяйкою и матерью многочисленныхъ чадъ *).

Точно также бессильно злобствовалъ режиссеръ и противъ недосягаемаго, какъ артиста и человѣка, В. А. Каратыгина. Каждый дебютантъ **) на его роли прини-

*) Внося это событіе въ свои воспоминанія, я, само собою разумѣется, не могу утверждать, что, дѣйствительно, женитьба режиссера воспослѣдовала именно по такимъ, а не инымъ побужденіямъ. Я всегда зналъ и до сихъ поръ не забыть пословицу: „чужая душа—потемки“. Передаю-же это потому, что о женитьбѣ режиссера такъ говорилъ весь закулисный міръ, что и служить доказательствомъ, какое мнѣніе сложилось у всѣхъ о режиссерѣ, какъ о человѣкѣ.

**) Дебютанты на роли В. А. Каратыгина появлялись обыкновенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда онъ бывалъ въ отсутствіи. Въ особенности очень много являлось охотниковъ на роль „Гамлета“, что и подало поводъ одному *закуливному остряку* сказать: „Какъ только Каратыгинъ уѣдетъ, такъ всякій *хамъ* *тотомъ* дебютируетъ“.

мался режиссеромъ, какъ говорится, съ распротертыми объятіями. И когда однимъ изъ дебютантовъ явился провинціальный актеръ Александръ Павловичъ Славинъ, мужчина красивый, представительной наружности, съ прекраснымъ сценическимъ органомъ и, кромѣ того, съ весьма замѣчательнымъ дарованіемъ, котораго публика, въ *каратыгинскихъ* роляхъ, принимала очень сочувственно, то режиссеръ возымѣлъ надежду восторжествовать надъ Васильемъ Андреевичемъ, почему и ухаживалъ за Александромъ Павловичемъ, какъ за собственнымъ дѣтищемъ. Но, и въ этотъ разъ, благія надежды добраго режиссера лопнули. Василій Андреевичъ возвратился изъ путешествія, и публика, снова обратясь къ своему идолу, совершенно охладѣла къ А. П. Славину. Режиссеръ думалъ было, чтобы *приучить* еъ нему публику, *выпускать* его во вторыхъ роляхъ съ Васильемъ Андреевичемъ, который, однако-жъ, этому воспротивился, въ силу того, что А. П. Славинъ, какъ и всѣ вообще провинціальные актеры, не имѣлъ привычки твердо выучивать ролей. Василій Андреевичъ *потребовалъ*, чтобы въ роляхъ его *наперсниковъ* являлся кто иной, какъ неизмѣнный *Саша Максимовъ*... Режиссеръ, видя, что планы его рушились, всю свою злобу съ Каратыгина перенесъ на Славина: сталъ давать ему самыя ничтожныя роли и чуть-чуть не посылать *на выходы*, чѣмъ успѣлъ *опозилить* Александра Павловича въ глазахъ публики и сдѣлать совершенно незначительнымъ актеромъ.

Режиссеръ этотъ, какъ человѣкъ, былъ очень замѣчательнъ оригинальностью не только характера, но и *внѣшности*. Онъ не слѣдовалъ модамъ и *бросался въ глаза нелѣпостію своей одежды*. Вотъ его полный нарядъ: сапоги *китайскаго* фасона, съ носками, загнутыми крючками вверхъ, на подобіе коньковъ, потомъ черныя *бархатныя* шарова-

ры, ярко-пестрый жилетъ, черный сюртукъ, а сверхъ всего этого шинель *спро-пьемцаго* сукна, на *блѣломъ* атласѣ. Шляпу (цилиндръ) онъ носилъ также своеобразно, на дѣвая ее *напередъ до самаго переносья*; носимый имъ золотой перстень надѣвался не по общепринятому обычаю: на средній, или указательный, но на большой палецъ лѣвой руки. Въ заключеніе-же всѣхъ нелѣпостей, на затылкѣ его, за правымъ ухомъ, скрывался въ прическѣ (*а ла мужика*) подобранный на шпильку *локонъ*, который, бывши распушенъ, достигалъ почти до поясницы. *) Что-же касается до оригинальности его характера, то онъ отличался необыкновеннымъ хладнокровіемъ, котораго не терялъ ни въ какихъ критическихъ обстоятельствахъ. Такъ однажды, послѣ спектакля, явился онъ въ одинъ изъ *общественныхъ увеселительныхъ домовъ*, съ *двумя* только товарищами, гдѣ они застали *большую компанію*, въ полномъ разгарѣ кутежа. Благоразуміе учило: убираться вонъ по добру, по здорову, что и хотѣли сдѣлать товарищи режиссера, такъ какъ въ старину въ подобныхъ домахъ безъ скандаловъ не обходилось: какъ, бывало, сойдутся двѣ разныя компаніи, такъ непременно происходила драка. Но не въ характерѣ режиссера было отступать. Онъ вошелъ въ общее зало, и товарищи волей-неволей послѣдовали за нимъ.

При ихъ вступленіи, компанія вдругъ смолкла, пораженная дерзостію трехъ смѣльчаковъ, рѣшившихся войти въ

*) Локоны этотъ былъ воспѣтъ покойнымъ Петромъ Григорьевичемъ Григорьевымъ въ стихахъ, посвященныхъ режиссеру, гдѣ вычислялись всѣ его доблести и, между прочихъ, говорилось такъ:

„Зачѣмъ ты носишь локоны длинные
На головѣ твоей пустой?“

такой домъ, когда въ немъ пируютъ незнакомые имъ люди въ такомъ большомъ количествѣ...

Режиссеръ, войдя въ дверь, на минуту остановился, и поглаживая усы (что имѣлъ привычку дѣлать постоянно), спокойно оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ своими маленькими глазками; затѣмъ, ровнымъ, тихимъ шагомъ пройдя черезъ залъ, сѣлъ на диванъ. Спутники-же его, ни живы, ни мертвы, скромненько усѣлись поближе къ дверямъ... Наконецъ, компанія заволновалась, совѣщаясь о чемъ-то въ полголоса, послѣ чего изъ нея выдѣляется черкесь высокаго роста, съ звѣрской, пьяной фizioноміей, и направляется къ режиссеру. Подойдя, черкесь долго стоялъ передъ режиссеромъ широко разставя ноги и, подбоченясь обѣими руками, смотрѣлъ на него въ упоръ; режиссеръ-же, въ свою очередь, не смигнувъ, глядѣлъ прямо въ глаза черкесу... Наконецъ, черкесь заговорилъ:

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда?

— Да, кажется, затѣмъ-же, зачѣмъ и ты, отвѣчалъ режиссеръ своимъ монотоннымъ, ни на одну полуноту не измѣнившимся голосомъ.

— Что тебѣ здѣсь надо? кричить черкесь.

— То-же, что и тебѣ, отвѣчаетъ режиссеръ попрежнему покойно.

— Пошелъ вонъ! Или я тебя заколю!

— Нѣтъ, заколотъ ты меня не смѣешь, этого не велить дѣлать, возражаетъ режиссеръ совершенно хладнокровно. Разсвирѣпѣвшій черкесь выхватываетъ кинжалъ, вѣроятно, рассчитывая, что компанія не допуститъ до закланія. Расчетъ оказался вѣренъ: всѣ бросились его удерживать; режиссеръ-же, не измѣнивъ ни позы, ни выраженія лица, тѣмъ-же тихимъ и покойнымъ тономъ обратился къ черкесу:

— Этого не надо, любезный другъ... за это возмуть въ будку... а изъ будки отправять въ часть... Ты лучше спрячь ножичекъ...

Черкесь бушевалъ, компанія старалась его успокоить и, между тѣмъ, многіе изъ нея, пораженные хладнокровіемъ режиссера, начали склоняться на его сторону; стали увѣрять черкеса, что новоприбывшіе имъ нисколько не мѣшаютъ, и потому не слѣдуетъ на нихъ обращать вниманія. Затѣмъ кто-то, чтобы замять ссору, разлилъ вино по стаканамъ и превозгласилъ тостъ во славу черкеса. Всѣ, поднявъ стаканы, закричали: вивать! Тогда къ режиссеру подскочилъ маленькій человѣчекъ, очень некрасивый собою (извѣстный въ то время граверъ Д + къ), хромоногій и съ огромнѣйшими горбами спереди и сзади. Человѣчекъ этотъ, въ подражаніе черкесу, желая тоже *покуражиться* надъ режиссеромъ, повелительно сказалъ ему:

— Кричи: вивать!

— Зачѣмъ? спрашиваетъ тотъ.

— Всѣ кричатъ, кричи и ты!

— Нѣтъ, не надо...

— Кричи! горячился горбунъ.—Ну, живо, за мной! и собравшись съ силами, горбунъ, поднявши стаканъ, во все горло закричалъ: вивать!

— Да и тебѣ не надо: вивать! урезонивалъ его режиссеръ.—Какой тебѣ вивать, когда тебя Богъ убилъ!

Эта выходка разсмѣшила всю компанію и окончательно расположила ее въ пользу режиссера.

Въ другой разъ режиссеръ былъ въ церкви за всенощной. Впереди его стояло нѣсколько дамъ, которыя безпрестанно смѣялись вслухъ, благодаря острымъ шуточкамъ, отпускаемымъ ихъ кавалеромъ, юнѣйшимъ офицерикомъ, въ первый разъ одѣвшимъ эполеты. Поведеніе этой весе-

лой компаніи, очевидно, не нравилось и смущало богомольцевъ, стоявшихъ около. Но режиссеръ съумѣлъ положить конецъ неумѣстному веселью, сконфузивъ его виновника, проговоривъ серьезнымъ тономъ:

— Совѣмъ еще мальчикъ, а какой храбрый офицеръ: даже Бога не боится!

Фраза эта была сказана настолько громко, что ее слышали всѣ стоявшіе около веселой компаніи, которые на этотъ разъ и сами не могли удержаться отъ смѣха...

Есть пословица: «мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, чтобы съ ума не сойти»; вѣроятно, режиссеръ и слѣдовалъ этой пословицѣ, потому что *мѣшалъ*, хотя не дѣло съ бездѣльемъ, но, тѣмъ не менѣе, два такихъ дѣла, которыя одно съ другимъ рѣшительно не вяжутся. А именно: бывши черствымъ эгоистомъ, человѣкомъ желчнымъ, не задумывавшимся не только ни передъ какою дерзкою насмѣшкою, но даже и передъ оскорбленіемъ, позволялъ себѣ все это, ничѣмъ съ своей стороны не рискуя, хорошо зная, что *маленькій актеръ*, хотя и скрѣпя сердце, но долженъ былъ молча сносить его насмѣшки и проглатывать оскорбленія безъ возраженій, чтобы не поплатиться своею карьерою, или, просто на-просто, не лишиться послѣдняго куска хлѣба, *первачи-же актеры* встрѣчали режиссерскія дерзости улыбками, которыя воспроизводила на ихъ лицахъ получаемая ими *поспектакльная плата*: обидѣся актеръ на шутку режиссера и оставайся не у дѣла, смотри, какъ другіе играютъ, да облизывайся... Что доставляло особенное удовольствіе режиссеру—это принижать всѣхъ и каждого, кто только придется подъ силу. Для примѣра приведу два случая.

Нѣкто Н. С. Семеновъ былъ выпущенъ изъ училища

въ драматическую труппу «на роли по способностямъ и на выходъ». Бывши воспитанникомъ, Семеновъ часто игралъ значительныя роли (преимущественно изъ репертуара П. И: Григорьева) въ спектакляхъ, даваемыхъ въ великомъ посту на театрѣ училища. По отзывамъ актеровъ, посѣщавшихъ эти спектакли, Семеновъ бывалъ очень хорошъ во многихъ роляхъ и вообще человѣкъ не безъ дарованія. Между тѣмъ, поступя на службу, Семеновъ выходилъ на выходы и игралъ самыя ничтожныя роли. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, въ продолженіи которыхъ Семеновъ, какъ и всякій человѣкъ, сорвавшійся съ школьной скамьи, наслаждался свободою, вовсе не думая ни о карьерѣ, ни о матеріальныхъ средствахъ, такъ какъ, имѣя отца, жилъ на его счетъ, употребляя *все свое жалованье* по личному усмотрѣнію. Но, со смертію отца, когда пришлось заботиться не только о личномъ своемъ существованіи, но и двухъ сестеръ, тогда Семеновъ понялъ, что *всего его жалованья* далеко на это не хватитъ, такъ какъ *все его жалованье* не превышало «шестнадцати» рублей въ мѣсяцъ. Тогда-то Семеновъ задумалъ, или, правильнѣе, возмечталъ проложить себѣ дорогу къ жалованью покрупнѣе, то есть составить служебную карьеру, для чего и обратился къ режиссеру съ просьбою о дебютѣ... *).

*) Въ „театральномъ уложеніи“ существуетъ параграфъ, гласящій о томъ, что на сценическіе дебюты каждый долженъ быть допускаемъ. Для каждаго дебютанта полагается три дебюта, и если всѣ они удачны, т. е. одобрены публикою, тогда дебютантъ принимается на службу. Предварительно-же способности дебютанта оцѣниваются на *репетиціи* театральными администраторами, чѣмъ и доказывается, что репетиція непременно должна быть называема для всякаго желающаго дебютировать. *Отказъ въ репетиціи противозаконенъ.*

первый разъ, на таковую просьбу режиссеръ не удостоилъ Семенова отвѣтомъ; посмотрѣвъ на него, поглаживая усы, онъ отвернулся и началъ съ кѣмъ-то разговаривать. Семеновъ подумалъ, что режиссеръ занятъ какою-нибудь великою идеею, и потому, не смѣя его беспокоить, рѣшился ждать болѣе удобнаго времени. Заставъ его однажды до репетиціи, сидящаго однимъ-одинешенькимъ возлѣ *суфлерской будки*, помахивающаго ногою и любующагося на свои китайскіе сапожки, Семеновъ подумалъ, что удобное время представилось, и потому опять заговорилъ о дебютѣ.

— Что вы, несчастный, съума сошли? произнесъ въ отвѣтъ режиссеръ и.... больше ни слова...

Семеновъ рѣшился идти напроломъ, т. е. добиться дебюта во что-бы-то ни стало.

Онъ обратился прямо къ директору.

— Скажи режиссеру, чтобы назначилъ репетицію, коротко и ясно отвѣтилъ директоръ *) Когда-же Семеновъ объяснилъ, что режиссеръ отказалъ ему, тогда директоръ обратился къ бывшему тутъ-же вице-директору:

— Прикажите дать ему дебютъ...

Послѣ этого Семеновъ, кажется, могъ вѣрно рассчитывать, если не на дебютъ, то, по крайней мѣрѣ, на репетицію; но... на дѣлѣ вышло не такъ...

Вице-директоръ, хотя и былъ человѣкъ добрейшей души, но, къ несчастію, не отличался самостоятельностью и находился вполне подъ вліяніемъ режиссера, и дѣлалъ все по его желанію...

*) Подобный отвѣтъ директора ясно доказываетъ, что онъ смотрѣлъ на дебюты (тѣмъ болѣе для лица, служащаго уже при театрѣ), какъ на дѣло очень простое, не только возможное.

Вслѣдствіе такихъ-то обстоятельствъ, Семенову и было заявлено, что дебютъ ему будетъ данъ (роль Флюгера, въ водевилѣ «Будочная»), но съ такимъ условіемъ, что если онъ, Семеновъ, сыграетъ хуже Григорьева 1-го (постоянно игравшаго эту роль), то *будетъ исключенъ изъ службы*. Семеновъ, конечно, понималъ всю незаконность и нелѣпость такого условія, зная, что въ «постановленіи о театрахъ» такого не существуетъ, и, что это есть ни что иное, какъ *шутка, придуманная режиссеромъ*, но шутка, могущая отозваться очень серьезными послѣдствіями, такъ какъ она доказываетъ желаніе ближайшаго начальства, дабы *дебюта не было*. Слѣдовательно, идти противъ такой шутки, значило *идти противу роженя*, изъ чего могло произойти слѣдующее: если бъ дебютъ и былъ удаченъ, то Семенову все-таки *ходу дано не было-бы*. Кромѣ того, судьба маленькаго актера (въ то время) зависѣла совершенно отъ режиссерскаго произвола: стоило ему лишь *отнести рапортъ*, что, «за излишествомъ аксессуарнаго персонала, такой-то можетъ быть уволенъ», и... ступай такой-то на всѣ четыре стороны... И такъ, сообразивъ все это, Семеновъ счелъ за лучшее отъ дебюта отказаться и... проходилъ двадцать лѣтъ на выходы, умереть...

Страстишка режиссера принижать и издѣваться выражалась еще и слѣдующимъ образомъ. Но прежде надо объяснить разницу между *выходнымъ актеромъ* и *статистомъ*; актеры употребляются на выходахъ, такъ сказать, *осмысленныхъ*, при которыхъ есть (говоря театральнымъ языкомъ) *общія рѣчи и общія движенія*, т. е. гдѣ требуется *игра*. Статисты же употребляются для пополненія массы, или гдѣ не требуется никакой игры, какъ, напримѣръ, пройти черезъ сцену, или стоять неподвижно. Обязанность

статистовъ, обыкновенно, исполняется людьми вольнонаемными *).

Однажды, во время представленія драмы «Уголино», гдѣ, въ продолженіи цѣлаго акта (не помню котораго), стоятъ два статиста, изображающіе воиновъ, на часахъ, которые, по оплошности помощника режиссера, не оказались на своихъ мѣстахъ. Пришло время поднимать занавѣсъ; помощникъ хватился часовыхъ, сталъ, было, посылать за ними капельдинера въ уборную, но режиссеръ нашелъ, что это будетъ очень долго **), и, увидя ходящими за кулисами двухъ актеровъ, одѣтыхъ воинами, закричалъ имъ:

— Эй, вы, генералы, встаньте-ка на часы!

И генералы встали и простояли цѣлый актъ.

Непосвященный въ тайинства закулисной трясины, конечно, не найдетъ въ таковой выходѣ режиссера ничего особеннаго: что-же за важность простоять какіе-нибудь полчаса? Но на взглядъ, какой выработался за кулисами, этими выходами сильно оскорблялось самолюбіе актеровъ. Надо знать, что *маленькіе актеры* — воспитанники того-же самаго училища, какъ и *актеры-первачи*; маленькіе, уступая первачамъ въ талантъ и окладъ жалованья, считали себя ихъ школьными товарищами и *людьми имъ равными*,

*) На казенныхъ театрахъ статистами бываютъ солдаты различныхъ полковъ, назначаемые „ордовансъ-гаузомъ“ (нынѣ „комендантское управленіе“), по форменному требованію конторы театровъ. Плата статистамъ полагалась: за спектакль и каждую репетицію рядовому 25 и унтеръ-офицеру 50 коп. ассигнаціями пѣхотинцамъ; кавалеристъ съ лошадыю получалъ вдвое.

**) Въ Александринскомъ театрѣ уборныя статистовъ помѣщаются на три этажа выше сцены.

почему и желали, чтобы и другіе смотрѣли на нихъ съ такой-же точки и не оскорбляли ихъ человѣческаго достоинства. Оскорбляло-же ихъ не то, что они исполняютъ дѣло статистовъ, но то, что это не входитъ въ составъ ихъ обязанностей, а исполняется ими по произволу режиссера, человѣка дерзкаго и нахальнаго. Кромѣ того, тридцать лѣтъ назадъ, въ обществѣ имѣли громаднѣйшій въсь родовыя привиллегіи и приобретенныя преимущества, а между выходными актерами были и дворяне, и люди, получившіе университетское образованіе *); режиссеръ-же былъ сынъ повара, или официанта, что и дѣлало еще болѣе ѣдкими наносимыя имъ оскорбленія.

Но, между прочимъ, этотъ поваръ, или официантъ, страпалъ и подносилъ закуски безъ всякой церемоніи, и актеры должны были проглатывать ихъ.

Такъ и на этотъ разъ: два генерала встали на часы по приказу повара, и, чтобы чѣмъ-нибудь, хотя нѣсколько, усладить горечь поднесенной имъ закуски, одинъ изъ нихъ, занявъ свой постъ и смотря въ слѣдъ удаляющемуся повару-режиссеру, прочиталъ вполголоса (копируя Я. Г. Брянскаго) тираду графа Угolino, обращенную къ Руджіеро:

«Или когтей, или хвоста; но что ты демонъ — въ этомъ я увѣренъ!.. Въ аду мы будемъ оба, и мѣстечко теплое я приготовлю для тебя».

Этотъ безхвостый демонъ или официантъ-режиссеръ

*) Напримѣръ, Федоръ Степановичъ С., дворянинъ, окончившій курсъ въ университетѣ, по *страсти* поступилъ съ воли актеромъ на выходы; прослуживъ лѣтъ семь или восемь, и прослуживъ безукоризненно, былъ уволенъ за *излишествомъ* персонала, что воспослѣдовало не при описываемомъ режиссерѣ, но при его преемникѣ.

хотѣлъ, было, приниженіе маленькихъ актеровъ повести еще дальше, но встрѣтилъ энергическій отпоръ со стороны ихъ, въ лицѣ маленькаго актера—дворянина Александра Павловича Фомина.

Тутъ опять слѣдуетъ небольшое разъясненіе.

Когда въ какой-либо пьесѣ происходитъ *чистая перемѣна* (закулисный языкъ), т. е. декорачія перемѣняется на глазахъ публики, при поднятомъ занавѣсѣ, тогда и мебель также перемѣняется: бывшая на сценѣ уносится и взамѣнъ ея приносится другая, для чего выходятъ на сцену, одѣтые въ приличествующіе пьесѣ костюмы, «помощники бутафора» *), за что они, сверхъ жалованья, получаютъ вечеровую плату.

По выходѣ въ отставку А. Л. Неваховича, должность вице-директора упразднилась, и, вмѣсто нея, была учреждена должность «начальника репертуарной части», которую, при описываемомъ событіи, занималъ Е. М. С.—въ, секретарь директора **).

Новый начальникъ, чтобы показать свою дѣятельность, вздумалъ вводить экономію (хотя хозяйственная часть вовсе не входитъ въ обязанность начальника репертуарной части), и, какъ всегда это водится, началъ налегать на мелочи. Режиссеръ, желая выслужиться передъ начальникомъ, предложилъ, въ видахъ экономіи, во избѣжаніе вечеровой платы помощникамъ бутафора, во время «чистыхъ перемѣнъ» для уборки мебели употреблять маленькихъ актеровъ; предложеніе начальникомъ было *весьма одобрено*.

*) Бутафоръ—лицо, завѣдующее всѣми аксессуарными вещами. Помощники бутафора суть ничто иное, какъ чернорабочіе.

**) Насколько эта личность была способна для должности „начальника репертуарной части“, придется говорить въ свое время.

При первомъ-же представившемся случаѣ, для уборки мебели былъ назначенъ: *бывшій десять лѣтъ своекоштнымъ пансіонеромъ театральнаго училища и выпущенный изъ онаго въ драматическую труппу актеромъ на роли «по способности и на выходы», сынъ дворянина Александръ Павловичъ Фоминъ.*

А. П. Фоминъ отъ природы были надѣленъ невозмутимо-покойнымъ темпераментомъ. Ни при какихъ обстоятельствахъ онъ не волновался и никогда не возвышалъ голоса. Говорилъ всегда одинаково—не громко, ровно и постоянно съ улыбкой...

Въ этотъ роковой для него вечеръ, Александръ Павловичъ, бывши занятъ въ спектаклѣ, являсь въ театръ и находя, что одѣваться еще рано, по обыкновенію, сидя въ уборной, читалъ какую-то книгу, привезенную съ собою. Вдругъ, въ уборную является капельдинеръ Курапцовъ *) и объявляетъ Фомину о его новомъ назначеніи — *убирать мебель*. Фоминъ и на этотъ разъ, какъ ни былъ удивленъ, не измѣнилъ себѣ и спросилъ совершенно спокойно:

— Что ты угорѣлъ?

— Вамъ приказано повѣстить, отвѣчалъ Курапцовъ съ *ядовитою* улыбкою.

— Кѣмъ приказано?

Посланникъ назвалъ по имени и отчеству г-на режиссера.

— А! такъ, значить, угорѣлъ-то не ты, а режиссеръ. произнесъ Александръ Павловичъ и снова занялся чтеніемъ.

*) Довѣренное лицо, или, правильнѣе: *клевретъ* режиссера. Обязанность Курапцова была—каждую Субботу, являясь на домъ къ режиссеру, чистить кухонную посуду, съ тѣмъ вмѣстѣ отрапортовать обо всемъ, что успѣлъ *подслушать* въ продолженіи истекшей недѣли.